

УДК 130.31
Попов С. И.

ЕСТЬ СТРАННЫЕ И РЕДКИЕ ЧАСЫ...

«Приходили неслышно. Уходили почти бесшумно.

Трава пригибалась и распрямлялась вновь.»

Р. Брэдли «Вино из одуванчиков»

Для цитирования: Попов С. И. Есть странные и редкие часы // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2025. Т 6. № 1. С.98–100

В абсолютном большинстве философских учений содержание мысли главенствует над событием мысли. Случаются философские концепции, где мысль вообще не считается главным. Таковы, например, прагматизм, ставивший во главу угла непрерывность и успешность действия, позитивизм, озабоченный точностью выражения фактов и воспринимавший классическую философию как «болезнь» языка, буддизм, где мышление выступает ступенью духовной жизни, которую должно преодолеть. Дискурс, полагающий приоритетность события мысли по отношению к ее содержанию, более того, полагающий чудо возникновения мысли и условия ее «удержания» единственной серьезной проблемой, оказывается на обозначенном фоне чем-то вроде белой вороны.

В интервью М. К. Мамардашвили, данном им незадолго до смерти французской журналистке, обращают на себя внимание следующие слова: «... ни один человек не может знать, мыслит ли он на самом деле. Мышление требует почти сверхчеловеческого усилия, оно не дано человеку от природы; оно только может состояться – как своего рода пробуждение или пра-воспоминание – в силовом поле между человеком и символом» [3, с. 71]. Иными словами, мысль есть состоявшееся впечатление. Которое, как капля воды, способно отразить весь мир или всю жизнь. Вопрос в том – как впечатлению состояться, оказаться «кстати», случиться просто замеченным нами в наших тараканьих бегах. «... каковы те законы, – вопрошает Мераб Константинович, – по которым я в какой-то определенный момент оказываюсь в такой точке, откуда могу видеть и узнавать, и в этот момент все «своевременно», все «кстати»; и каковы законы, в силу которых я постоянно – большую часть времени – нахожусь там, откуда могу смотреть, не видя и не узнавая ничего» [3, с. 77]. По Мамардашвили, не «профессорская», а «реальная философия» – это история узнавания и неузнавания. «Собственно, это история неких симптомов или знаков, мелькнувших на твоём пути и зацепивших твой взгляд; от них исходит неясный мерцающий свет, непостижимый для тебя в данный момент, но в то же время означающий что-то важное и потому тебя завораживающий. Если ты не растеряешь это впечатление, не расслабишься, не рассеешься ..., если ты сделаешь усилие, которое и есть жизнь – подлинная, а не повседневная, – тогда у тебя есть шанс, что смысл тебе откроется» [3, с. 77].

Мы как-то привыкли, что мысль – это непременно понятие, суждение и т.д. А экстравагантный «грузинский Сократ» приглашает взглянуть на мысль как на чувство, переживание. Оно, разумеется, может быть потом отрефлексировано, всесторонне проанализировано и развернуто в систему. Так, у М. Хайдеггера первичная интуиция его *Dasein* развертывается в довольно громоздкую «экзистенциальную аналитику» [7]. М. К. Мамардашвили как бы предлагает остаться на ступени сырого переживания. Хайдеггер ставит себе цель *интерпретировать* смыслы «вот-бытия», в результате чего у него получается почти классическая структура метафизики: «подлинное бытие – мнимое бытие». Мамардашвили считал бы за большое благо это переживание хотя бы *узнать* и удержать. Трудно удержаться в этом заочном споре титанов от того, чтобы занять сторону советского философа. А что, кроме бытия мысли, у человека вообще есть?!

– Ну как что?! – недоуменно спросит персонаж «социологических романов» Александра Зиновьева – спим не на улице, выпить что – имеем... Иными словами, есть налаженный ритм рельсов повседневной жизни, где для всего и для каждого есть своя символическая полка. Это – немало (особенно, когда обстоятельства диктуют – как в свое время А. А. Зиновьеву – задачу выжить, сохраниться, а все иное кажется роскошью почти неприличной). Хотя и немного. Хуже всего – то обстоятельство, что за человека обычно уже продуманы все его возможные мысли (М. К. Мамардашвили тут имел в виду язык официальной идеологии, да и просто повседневный язык). Возникает фантазмагорическая ситуация: хочешь сесть в кресло, а кресло занято тобой же [4, с. 101]. Ситуация напоминает сюжетную коллизию из сказки Е. Шварца («Тень»). «Тень» заняла твоё место. А что же ты? Тебе тогда остается вести «теневое» по отношению к ней, «призрачное» (Мамардашвили) существование. ... Хотелось бы и немного другого опыта.

Словом, попробуем принять взгляд, что мысль – состоявшееся впечатление. Моменты, когда впечатление «кстати», нечасты, хотя, если напрячь память, и не исключительно редки. И они описаны энтузиастами «поисков утраченного времени». Мераб Константинович любил художественные «исследования» Марселя Пруста. Мы же приведем несколько примеров узанных впечатлений из литературы, оказавшейся под рукой:

«Хильер с благодарностью затаился. Дождь затих. Хильер ощущал удивительный душевный покой, хотя жалеть ему было о чем (и о ком; главным образом – о Кларе). Если его и убьют, то не сейчас – слишком сладостными были эти мгновения, слишком далекими сделались, наконец, все его заботы; тянулись секунды, капал мед его жизни, чудное золото чистого бытия» [2, с. 304].

«Я приехал на Фраксос, чтобы снять дом. Летний дом. В деревне мне не понравилось. Не люблю жить на северных побережьях. Перед отъездом я нанял лодочника – обогнуть остров. Ради удовольствия. Когда я решил искупаться, он случайно причалил к Муце. Случайно проговорился, что наверху есть старая хижинка. Я случайно поднялся на мыс. Увидел домик: ветхие стены, каменная осыпь под тернистым плющом. Было жарко. Восемнадцатое апреля 1928 года, четыре часа дня. ... Лес тогда был гуще. Моря не видно. Я стоял на прогалине, вплотную к руинам. Меня сразу охватило чувство, что это место ожидало меня. Ожидало всю мою жизнь. Стоя там, я понял, кто именно ждал, кто терпел. Я сам. И я, и домик, и этот вечер, и мы с вами – все от века пребывало здесь, точно отголоски моего прихода. ... Я сразу решил, что поселюсь тут. ... Я не мог идти дальше. Только здесь, в этой точке прошлое сливалось с будущим. И я остался» [6, с. 116–117].

«Как-то летним вечером, оглядывая свое нутро, Номер XII натолкнулся на непонятный предмет: пластмассовый обруч, обросший паутиной. Сначала он не мог взять в толк, что это и зачем, и вдруг вспомнил: ведь столько было когда-то связано с этой штукой! Бочка в нем дремала, и какая-то другая его часть осторожно перебирала нити памяти, но все они были давно оборваны и никуда не приводили. Однако ведь было же что-то? Или не было? Сосредоточенно пытаясь понять, о чем это он не помнит, он на секунду перестал чувствовать бочку и как-то отделился от нее. В этот самый момент во двор въехал велосипед, и ездок без всякой причины дважды прозвонил звоночком на руле. И этого хватило – Номер XII вдруг вспомнил. Велосипед. Шоссе. Закат. Мост над рекой. Он вспомнил, кто он на самом деле, и стал наконец собой – действительно собой» [5, с. 12–13].

«Как-то раз в Тамлуке я пошел побродить по берегу реки. Тут на меня и нахлынуло ощущение моего одиночества. ... солнце еще не раскалило пространство, и птицы еще гомонили в кустах, пахнувших корицей и ладаном, – я вдруг понял какую-то свою особость, я понял, что остался один и умру один. Мысль меня не опечалила; напротив, я был спокоен, ясен, примирен с лежащей вокруг равниной, и, если бы мне сказали, что жить мне осталось час, я бы не испытал сожалений. Я лег бы в траву, заложив руки за голову и, глядя в голубизну надземного океана, ждал бы, пока истекут мои минуты, не считая их и не торопя, просто не ощущая. Не знаю, что за гордыня,

естественная ли, чуждая ли человеческой природе, говорила тогда во мне. Мне все было по плечу – и ничего не надо. Вкус одиночества в этом волшебном краю вскружил мне голову. Я думал о Норин, о Гарольде, об остальных и спрашивал себя, как они попали в мою жизнь...» [8, с. 386–387]. Последнее свидетельство даже словесно похоже на отрывок о «небе Аустерлица», который все мы учили в советской школе.

Что кажется общим во всех приведенных выше свидетельствах? Важность мгновения. Ясность, что значительнее этой минуты ничего нет и не будет. Чудо обнаружения «другого измерения» жизни, когда твоя «внутренняя бочка» (Пелевин) временно «спит». «Золото чистого бытия» (Берджесс): переживаемое впечатление кажется захватывающим, но восхитительно бессодержательным. Точнее, важность переживаемого содержания как бы отступает по отношению к самому его мигу как внезапному «свету». Таковы переживания – трудновыразимые, но яркие – мальчишки Дагласа Сполдинга, что «он – живет» (Брэдбери. Вино из одуванчиков). Таковы переживания «великовозрастного юнца» – героя фаулзовского «Волхва», как бы желающего «остановить мгновение»: «Такое лето, понимал я, выпадает человеку раз в жизни. Я отдал бы весь остаток дней, лишь бы длился бесконечно этот, единственный, без конца повторялся, стал замкнутым кругом, а не быстрым шагом по дороге, где никто не проходит дважды» [6, с. 389].

Если мы не стремимся потом развернуть пережитое впечатление в философскую систему, то его содержание выступает вовсе не главным из пережитого. А что же тогда? Сам редкий и исключительный миг. Чего? Чистого бытия? Это слово отсылает к М. Хайдеггеру. Хайдеггеровское *Dasein* («вот-бытие») вполне подходит для обозначения этого состояния. Бытие – самая бессодержательная из категорий. Переживание вот-бытия запоминается по сопровождавшим его случайным житейским – «онтическим» – обстоятельствам. Их же повтор позволяет потом вспомнить поразивший некогда миг. Не так ли запомнились самые значительные мгновения детства? Луна – там, Солнце – там, книга в руках, «Меркурий – во втором доме»... Хотя дело не в Луне, не в Солнце и не в Меркурии.

Кроме того, в развернутой здесь интерпретации мысль-впечатление выступает тайной и неприкосновенной «территорией», куда всем остальным, кроме тебя, вход заказан. Никто не сможет пережить твое переживание, хотя, по всей вероятности, переживает какие-то аналогичные. В этом смысле мы абсолютно одиноки в самом ценном для нас, хотя делим учебные корпуса, трамвай и даже постель. Но вроде бы, не сговариваясь и не сотрудничая, мы все же способны смотреть в одну сторону горизонта. Артур Шопенгауэр считал так понятую мысль абсолютным благом и убежищем от невзгод и обид, по-

стигающих тебя на общественном поприще (студенты не оценили его лекций). «Когда я временами чувствую себя несчастным (состояние, которое можно назвать презрением к себе) из-за случившейся ошибки или промаха, я принимаю себя за иного, чем я есмь сам, и оплакиваю его беду: например, за приват-доцента, который не стал профессором и у кого нет слушателей; либо за того, о ком плохо говорит этот филистер или судачат кумушки за кофе... Я всем этим не был, это все – чужой материал, из которого самое большее был шит сюртук, который я поносил немного и забросил» [1, с. 201–202].

Мне неизвестны рецепты, как удержать мысль-впечатление. Но однажды появились соображения, как ее «реинкарнировать»: попытаться воспроизвести сопутствовавшие ей обстоятельства, которыми, собственно, мгновение мысли и запомнилось. Не потому ли нас так тянет в места, где прошло детство и где визитов мыслей-чувств не приходилось ждать месяцами... Не потому ли остаются любезными детские книжки и детские увлечения... Все это – знаки-приметы «намоленных мест» сознания, где и притворы, и храмы, где миги славы и восторга. Исходной предпосылкой для подобных опытов послужила метафора человека не как потока воды (не оставляющего ничего аутентичного), а как дерева, прирастающего годовыми кольцами опыта. Казалось возможным управлять

воспоминаниями: осуществлять «короткое замыкание» коры настоящего с одними «кольцами» или же блокировать контакт с другими вплоть до полного их «выпиливания» и, тем самым, конституирования новой личности (идея «ансамбля» личностей в одном и том же человеке).

Некоторая личная практика воспроизведения былых впечатлений дала, впрочем, не совсем тот результат, который предполагался. Аутентичное впечатление все же никогда не воспроизводилось (на что и указывали скептически настроенные к таким «опытам» товарищи), хотя бывали случаи большой близости наведенной «химеры» к оригиналу (он каким-то образом «запомнился» –?). Новый опыт, воспроизводящий старое впечатление, оказался, скорее, своего рода «наложением заплатки» на прошлый опыт. Так что последующие опыты воспроизводили уже не архаическое переживание, а «амальгаму» старого и нового. То есть ментальные «визиты в прошлое» на деле оказались, как говорят феноменологи, конституированием «настоящего» «прошлого». Нельзя сказать, что опыты «реинкарнирования» мысли-впечатления разочаровали. Они, скорее, напротив, обогатили обобщенный эйдос старого впечатления («инвариант») свежими экземплярами вариантов, да и вообще добавили нового материала для осмысления загадок внутренней жизни.

Источники и литература / Sources and references

1. Андреева И. С., Гулыга А. В. Шопенгауэр. М. : Молодая гвардия, 2003. 367 с.
2. Бёрджесс Э. Заводной апельсин. Трепет намерения. М. : ТЕРРА, 2000. 384 с.
3. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 70–78.
4. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) (окончание) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 100–115.
5. Пелевин В. О. Синий фонарь. М.: Текст, 1991. 317 с.
6. Фаулз Д. Волхв. М.: Независимая газета, 1993. 736 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академ. проект, 2015. 460 с.
8. Элиаде М. Под тенью лилии: Избр. произв. М. : Энигма, 1996. 864 с.

Информация об авторе:

Попов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
E-mail: historyross@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1476-6712

Author:

Popov Sergey Ivanovich, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culture Studies, Kemerovo State Medical University.
E-mail: historyross@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1476-6712